

Виктор Пелевин

Девятый сон
Веры Павловны

ФТМ

Виктор Пелевин

Девятый сон Веры Павловны

«ФТМ»

1992

Пелевин В. О.

Девятый сон Веры Павловны / В. О. Пелевин — «ФТМ»,
1992 — (Рассказы Виктора Пелевина)

ISBN 978-5-457-09985-2

ISBN 978-5-457-09985-2

© Пелевин В. О., 1992

© ФТМ, 1992

Виктор Пелевин

Девятый сон Веры Павловны

Здесь мы можем видеть, что солипсизм совпадает с чистым реализмом, если он строго продуман.

Людвиг Витгенштейн

Перестройка ворвалась в сортир на Тверском бульваре одновременно с нескольких направлений. Клиенты стали дольше засиживаться в кабинках, оттягивая момент расставания с осмелевшими газетными обрывками; на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле голубым весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы, еще далекой, но уже несомненной; громче стали те части матерных монологов, где, помимо Господа Бога, упоминались руководители партии и правительства; чаще стали перебои с водой и светом.

Никто из вовлеченных во все это толком не понимал, почему он участвует в происходящем, – никто, кроме уборщицы мужского туалета Веры, существа неопределенного возраста и совершенно бесполого, как и все ее коллеги. Для Веры начавшиеся перемены тоже были некоторой неожиданностью – но только в смысле точной даты их начала и конкретной формы проявления, а не в смысле их источника, потому что этим источником была она сама.

Началось все с того, что как-то однажды днем Вера первый раз в жизни подумала не о смысле существования, как она обычно делала раньше, а о его тайне. Результатом было то, что она уронила тряпку в ведро с темной мыльной водой и издала что-то вроде тихого «ах». Мысль была неожиданная и непереносимая и, главное, ни с чем из окружающего не связанная – просто пришла вдруг в голову, в которую ее никто не звал; а выводом из этой мысли было то, что все долгие годы духовной работы, потраченные на поиски смысла, оказывались потерянными зря, потому что дело было, оказывается, в тайне. Но Вера как-то все же успокоилась и стала мыть дальше. Когда прошло десять минут и значительная часть кафельного пола была уже обработана, появилось новое соображение – о том, что другим людям, занятым духовной работой, эта мысль тоже вполне могла приходить в голову и даже наверняка приходила, особенно если они были старше и опытнее. Вера стала думать, кто это может быть из ее окружения, и сразу безошибочно поняла, что не надо ходить слишком далеко и надо поговорить с Маняшей, уборщицей соседнего туалета, такого же, но женского.

Маняша была намного старше. Это была худая старушка тоже неопределенных, но преклонных лет; при взгляде на нее Вере отчего-то – может быть, из-за того, что та сплетала волосы в седую косичку на затылке, – вспоминалось словосочетание «Петербург Достоевского». Маняша была Вериной старшей подругой; они часто обменивались ксерокопиями Блаватской и Рамачараки, настоящая фамилия которого, как говорила Маняша, была Зильберштейн; ходили в «Иллюзион» на Фасбиндера и Бергмана, но почти не говорили на серьезные темы; Маняшино руководство духовной жизнью Веры было очень ненавязчивое и не прямое, отчего у Веры никогда не появлялось ощущения, что это руководство существует.

Стоило Вере только вспомнить о Маняше, как раскрылась маленькая служебная дверь, соединявшая оба туалета (с улицы в них вели разные входы), и Маняша появилась. Вера тут же принялась путано рассказывать о своей проблеме; Маняша, не перебивая, слушала.

– ...И получается, – говорила Вера, – что поиск смысла жизни – сам по себе единственный смысл жизни. Или нет, не так – получается, что знание тайны жизни, в отличие от понимания ее смысла, позволяет управлять бытием, то есть действительно прекращать старую жизнь и начинать новую, а не только говорить об этом, – и у каждой новой жизни будет свой особенный смысл. Если овладеть тайной, то уж никакой проблемы со смыслом не останется.

– Вот это не совсем верно, – перебила внимательно слушавшая Маняша. – Точнее, это совершенно верно во всем, кроме того, что ты не учишь природы человеческой души. Неужели ты действительно считаешь, что, зная эту тайну, ты решишь все проблемы?

– Конечно, – ответила Вера. – Я уверена. Только как ее узнать?

Маняша на секунду задумалась, а потом словно на что-то решилась и сказала:

– Здесь есть одно правило. Если кому-то известна эта тайна и ты о ней спрашиваешь, тебе обязаны ее открыть.

– Почему же ее тогда никто не знает?

– Ну почему? Кое-кто знает, а остальным, видно, не приходит в голову спросить. Вот ты, например, кого-нибудь когда-нибудь спрашивала?

– Считаю, что я тебя спрашиваю, – быстро проговорила Вера.

– Тогда коснись рукой пола, – сказала Маняша, – чтобы вся ответственность за то, что произойдет, легла на тебя.

– Неужели нельзя без этих сцен из Мейринка? – недовольно пробормотала Вера, наклоняясь к полу и касаясь ладонью холодного кафельного квадрата. – Ну?

Маняша пальцем подозвала Веру к себе и, взяв ее за голову и наклонив так, что Верино ухо приходилось точно напротив ее рта, прошептала что-то не очень длинное.

И в эту же секунду за стенами раздался гул.

– Как, и все? – разгибаясь, спросила Вера.

Маняша кивнула головой.

Вера недоверчиво засмеялась.

Маняша развела руками, как бы говоря, что не она это придумала и не она виновата. Вера притихла.

– А знаешь, – сказала она, – я ведь что-то похожее всегда подозревала.

Маняша засмеялась:

– Так все говорят.

– Ну что же, – сказала Вера, – для начала я попробую что-нибудь простое. Например, чтоб здесь на стенах появились картины и заиграла музыка.

– Я думаю, у тебя получится, – ответила Маняша, – но учти, что произойти в результате твоих усилий может что-то неожиданное, совсем вроде бы не связанное с тем, что ты хотела сделать. Связь выявится только потом.

– А что может произойти?

– А вот посмотришь сама.

* * *

Посмотреть удалось не скоро, только через несколько месяцев, в те отвратительные ноябрьские дни, когда под ногами чавкает не то снег, не то вода, а в воздухе висит не то пар, не то туман, сквозь который просвечивают синева милицейских шапок и багровые кровоподтеки транспарантов.

Произошло это так: в уборную спустились несколько праздничных пролетариев с большим количеством идеологического оружия – огромными картонными гвоздиками на длинных зеленых шестах и заклинаниями на специальных листах фанеры. Справив нужду, они поставили двухцветные копыя к стене, заслонили писсуары своими промокшими транспарантами – на верхнем была непонятная надпись «Девятый трубоволоочильный» – и устроились на небольшой пикник в узком пространстве перед зеркалами и умывальниками. Сильней, чем мочой и хлоркой, пахло портвейном; зазвучали громкие голоса. Сначала доносился смех и разговоры, потом вдруг стало тихо и строгий мужской голос спросил:

– Что ж ты, сука, на пол льешь специально?

– Да не специально я, – затараторил неубедительный тенор, – тут бутылка нестандартная, горлышко короче. А я тебя заслушался. Проверь сам, Григорий! У меня рука всегда автоматически...

Тут раздался звук удара во что-то мягкое и одобрительная матерная разноголосица, но после этого пикник как-то быстро сошел на нет, и голоса, гулко взыв напоследок с ведущей на бульвар лестницы, исчезли. Тогда только Вера решилась выглянуть из-за угла.

В центре кафельного холла сидел на полу мужичонка с расквашенной мордой и через равные интервалы времени плевал кровью на залитый портвейном кафель. Увидев Веру, он отчего-то перепугался, вскочил на ноги и убежал на улицу, под открытое небо. После него в холле остались мокрая надломленная гвоздика и маленький транспарант с кривой надписью: «Парадигма перестройки безальтернативна!» Вера совершенно не поняла, какой в этих словах заключен смысл, но долгий опыт жизни ясно говорил: началось что-то новое, и даже не верилось, что это новое вызвано ею. На всякий случай она подхватила гигантский цветок и транспарант и отнесла их в свою каморку, представлявшую собой две крайние кабинки – перегородка между ними была убрана, и места было как раз достаточно, чтобы разместились ведро, швабры и стул, на котором можно было иногда передохнуть.

После этого все еще долго тянулось по-старому (да и что нового может быть в туалете?). Жизнь текла размеренно и предсказуемо, только количество пустых бутылок, которое приносил день, стало падать, а народ стал злее.

Но вот однажды в туалете появилась компания зашедших явно не по нужде. Они были в одинаковых джинсовых костюмах и темных очках, а с собой у них был складной метр и такая специальная штучка на треножном штативе – Вера не знала, как она называется, – в которую какие-то люди на улицах часто глядят на особым образом разграфленную палку, которую держат другие люди. Гости обмерили входную дверь, озабоченно оглядели все помещение и ушли, так и не воспользовавшись своим оптическим приспособлением. Еще через несколько дней они появились в сопровождении человека в коричневом плаще и с коричневым портфелем – Вера знала его, это был начальник всех городских туалетов. Вели себя прибывшие непонятно – они ничего не обсуждали и не измеряли, как в прошлый раз, а просто прохаживались взад и вперед, задевая плечами спины переливающихся в писсуары (как зыбок мир!) трудящихся, и время от времени замирали, мечтательно заглядываясь на что-то, Вере и посетителям невидимое, но, очевидно, прекрасное: об этом можно было догадаться по улыбкам на их лицах и по тем удивительным романтическим положениям, в которых застывали их тела, – Вера не смогла бы выразить своих чувств словами, но поняла она все безошибочно, и на несколько мгновений перед ее глазами встала когда-то висевшая у них в детдоме репродукция картины «Товарищи Киров, Ворошилов и Сталин на строительстве Беломорско-Балтийского канала».

А еще через два дня Вера узнала, что теперь работает в кооперативе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.